

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIIY-AMALIY JURNALI

2026-yil 2-son

VOLUME 6 / ISSUE 2 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.2.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

**MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT
YURIDIK UNIVERSITETI**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta‘lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Mustafayev,
Y. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvaliyeva,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova,
X. Yuldasheva

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnom

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2026-yil 24-aprelda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 13,2
Adadi: 100. Buyurtma: № 61.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

TAHRIR HAY’ATI

BOSH MUHARRIR

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquqiy tadqiqotlar oliy maktabi direktori, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS‘UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti sho‘basi mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY’ATI A‘ZOLARI

J. Blum – Amerika Qo‘shma Shtatlarining Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (AQSH)

M. Vishovatiy – Polshaning Gdansk universiteti professori (Polsha)

M. Hayat – Muhammadiyah Malang universiteti o‘qituvchisi (Indoneziya)

A. Xashimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti Yoshlar masalalari va ma‘naviy-ma‘rifiy ishlar bo‘yicha birinchi prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

A. Yakubov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro hamkorlik va uzluksiz ta‘lim bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, dotsent

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Qonunchilik palatasi deputati, yuridik fanlar doktori, professor

S. Yusupov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ma‘muriy va moliya huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

E. Egamberdiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Sh. Ismoilov – Toshkent davlat yuridik universiteti Mehnat huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, dotsent

G. Uzakova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ekologiya huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

G. Yo‘ldasheva – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va inson huquqlari sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

A. Yo‘ldoshev – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar doktori

R. Altıyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

S. Oripov – Toshkent davlat agrar universiteti Huquqshunoslik kafedrası dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

F. Hamdamova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti Xalqaro huquq va ommaviy huquq fanlari kafedrası dotsenti v.b., yuridik fanlar doktori

D. So‘fiyeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi katta o‘qituvchisi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq, jamiyat va madaniyat sho‘basi dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Мустафаев,
Е. Ярмолик,
Э. Шарипов,
К. Абдувалиева,
М. Шарифова,
Ш. Бекназарова,
Х. Юлдашева

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387.

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
24.04.2026.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 13,2. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 61.

Отпечатано в типографии
Ташкентского государственного
юридического университета.
100047, г. Ташкент,
ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

З. Эсанова – проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – директор Высшей школы правовых исследований Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – заведующий сектором узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по филологическим наукам, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – профессор юридической школы Бостонского колледжа (Бостон, США), доктор юридических наук

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

М. Хаят – преподаватель Университета Мухаммадия Маланг (Индонезия)

А. Хашимхонов – первый проректор по делам молодёжи и духовно-просветительской работе Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

А. Якубов – проректор по международным связям и дополнительному образованию Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

М. Ахмедшаева – профессор сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Х. Хайитов – депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

С. Юсупов – заведующий сектором административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Э. Эгамбердиев – доцент сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Ш. Исмоилов – заведующий сектором трудового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Г. Узакова – профессор сектора экологического права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Г. Юлдашева – профессор сектора международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Юлдошев – доцент сектора конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Р. Алтиев – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

М. Курбанов – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

С. Орипов – доцент кафедры права Ташкентского государственного аграрного университета, доктор философии по юридическим наукам

Ф. Хамдамова – и.о. доцента кафедры международного и публичного права Университета мировой экономики и дипломатии, доктор юридических наук

Д. Суфиева – старший преподаватель сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Р. Кучкаров – доцент сектора права, общества и культуры Ташкентского государственного юридического университета, кандидат филологических наук

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

E. Mustafaev,
E. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvalieva,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova
Kh. Yuldasheva

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 24.04.2026.

Paper size: A4. Cond.p.f: 13,2.

Units: 100. Order: № 61.

Published in the Printing house of Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Z. Esanova – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Director of the Graduate School of Legal Research of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovaty – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

M. Hayat – Lecturer of the University of Muhammadiyah Malang (Indonesia)

A. Khashimhonov – First Deputy Rector for Youth Affairs and Spiritual and Educational Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

A. Yakubov – Deputy Rector for International Relations and Further Education of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

M. Akhmedshaeva – Professor of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Kh. Khayitov – Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

S. Yusupov – Head of the Department of Administrative and Financial Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

E. Egamberdiev – Associate Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Sh. Ismoilov – Head of the Department of Labor Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

G. Uzakova – Professor of the Department of Environmental Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

G. Yuldasheva – Professor of the Department of International Law and Human Rights of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Yuldoshev – Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

R. Altiev – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

M. Kurbanov – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

S. Oripov – Associate Professor of the Department of Law of Tashkent State Agrarian University, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

F. Hamdamova – Acting Associate Professor of the Department of International Law and Public Law of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law

D. Sufieva – Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

R. Kuchkarov – Associate Professor of the Department of Law, Society and Culture of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences

MUNDARIJA

12.00.01 – DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

8 MUHAMMADJONOV ABRORJON AKMALJON O'G'LI

Davlat hokimiyati tizimida prokuraturaning o'рни va ahamiyati haqida ayrim mulohazalar

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI.
XALQARO XUSUSIY HUQUQ

17 SHAMSHETOV SHARAFDIN SARSENOVICH

Mikrokreditlashni turli huquqiy tizimlarda tartibga solish modellarining qiyosiy tahlili

32 ABROROVA KAMOLA SAIDMUXTOROVNA

O'zbekistonda xalqaro tijorat va investitsiyaviy nizolarning kelajagi: mediatsiya va arbitraj sinergiyasi

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

42 MATVIYENKO IRINA ALEKSANDROVNA, NAIM ALLAHRAKHA

O'zbekistonda ayollarga nisbatan kiberta'qib: amaldagi qonunchilik va islohotlar istiqboli

55 JALILOV RAVSHANJON ABDUKAYUMOVICH, ABDULLAYEV AKMALJON YO'LCHIBOYEVICH

Inson a'zolari va to'qimalarini olish maqsadini jinoyatning og'irlashtiruvchi belgisi sifatida aks ettirish masalalari

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

64 SUROPOV AZAMAT FURQAT O'G'LI

Migrantlar huquqlarini himoya qilishning xalqaro-huquqiy asoslari

76 ABDIYEVA KAMOLA KOMILJONOVNA

O'zbekiston Respublikasidagi raqamli muhitda ayollar huquqlarini himoya qilish xalqaro standartlari implementatsiyasi: xalqaro-huquqiy tahlil va milliy amaliyot

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

87 BEKBO'TAYEVA LOBAR SHOVKAT QIZI

Muqobil vasiylik kontekstida bola huquqlarining mohiyati, tasnifi va funksiyalarining nazariy-huquqiy tahlili

101 SADULLAYEVA SHOXISTA DAVRON QIZI

Axborot kodeksi orqali raqamli texnologiyalar davrida inson huquqlarini himoya qilish: huquqiy va institutsional mexanizmlar tahlili

110 AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH

Buyuk saltanat va umumbashariyat taraqqiyotiga qo'shilgan bebaho tarixiy meros

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

8 МУХАММАДЖОНОВ АБРОРЖОН АКМАЛЖОН УГЛИ

Некоторые соображения о месте и значении прокуратуры в системе государственной власти

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

17 ШАМШЕТОВ ШАРАФАТДИН САРСЕНОВИЧ

Сравнительный анализ моделей правового регулирования микрокредитования в различных правовых системах

32 АБРОРОВА КАМОЛА САИДМУХТОРОВНА

Будущее международных коммерческих и инвестиционных споров в Узбекистане: синергия медиации и арбитража

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

42 МАТВИЕНКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, НАИМ АЛЛАХРАКХА

Киберпреследование женщин в Узбекистане: действующее законодательство и перспективы реформирования

55 ЖАЛИЛОВ РАВШАНЖОН АБДУКАЮМОВИЧ, АБДУЛЛАЕВ АКМАЛЖОН ЮЛЧИБОЕВИЧ

Вопросы отражения цели изъятия органов и тканей человека как отягчающего признака преступления

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

64 СУРОПОВ АЗАМАТ ФУРКАТ УГЛИ

Международно-правовые основы защиты прав мигрантов

76 АБДИЕВА КАМОЛА КОМИЛЖОНОВНА

Имплементация международных стандартов защиты прав женщин в цифровой среде в Республике Узбекистан: международно-правовой анализ и национальная практика

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

87 БЕКБУТАЕВА ЛОБАР ШОВКАТ КИЗИ

Теоретико-правовой анализ сущности, классификации и функций прав ребёнка в контексте альтернативной опеки

101 САДУЛЛАЕВА ШОХИСТА ДАВРОН КИЗИ

Защита прав человека в эпоху цифровых технологий посредством информационного кодекса: анализ правовых и институциональных механизмов

110 АЗИМОВ ХАКИМАЛИ ИМОМОВИЧ

Великая держава и бесценное историческое наследие, внесённое в развитие всего человечества

CONTENTS

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

- 8 **MUHAMMADJONOV ABRORJON AKMALJON UGLI**
Some considerations on the role and significance of the prosecutor’s office in the system of state power
-

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 17 **SHAMSHETOV SHARAFATDIN SARSENOVICH**
Comparative analysis of legal regulation models for microcredit in different legal systems
- 32 **ABROROVA KAMOLA SAIDMUKHTOROVNA**
The future of international commercial and investment disputes in Uzbekistan: the synergy of mediation and arbitration
-

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- 42 **MATVIENKO IRINA ALEKSANDROVNA, NAEEM ALLAHRAKHA**
Cyberstalking of women in Uzbekistan: current legislation and prospects for reform
- 55 **JALILOV RAVSHANJON ABDUKAYUMOVICH, ABDULLAEV AKMALJON YULCHIBOEVI**
Issues of reflection of the purpose of removing human organs and tissues as an aggravating element of the crime
-

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

- 64 **SUROPOV AZAMAT FURQAT UGLI**
International legal foundations for the protection of migrants’ rights
- 76 **ABDIYEVA KAMOLA KOMILJONOVNA**
Implementation of international legal standards for the protection of women’s rights in the digital environment in the Republic of Uzbekistan: an international legal analysis and national practice
-

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

- 87 **BEKBUTAeva LOBAR SHOvkAT KIZI**
Theoretical and legal analysis of the essence, classification and functions of child’s rights in the context of alternative care
- 101 **SADULLAEVA SHOKHISTA DAVRON KIZI**
Protection of human rights in the digital age through the information code: analysis of legal and institutional mechanisms
-

- 110 **AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH**
A great empire and an invaluable historical heritage added to universal human progress

Kelib tushgan / Получено / Received: 18.03.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 13.04.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.04.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.2./CCRW1002>

UDC: 341.231.14(045)(575.1)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ, КЛАССИФИКАЦИИ И ФУНКЦИЙ ПРАВ РЕБЁНКА В КОНТЕКСТЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ОПЕКИ

Бекбутаева Лобар Шовкат кизи,

самостоятельный соискатель

Национального центра Республики Узбекистан по правам человека,

советник по развитию программ по адвокации

Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана»

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1877-933X>

e-mail: bk.lobarl@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу прав ребёнка как самостоятельной межотраслевой категории международного и национального права. Раскрываются понятие, сущность и ключевые характеристики прав ребёнка – универсальность, неотчуждаемость, специфичность, комплексность и международно-правовая обусловленность, – формирующие особый правовой режим защиты детства. На основе Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 года и законодательства Республики Узбекистан, включая Закон «О гарантиях прав ребёнка» и Семейный кодекс, проводится систематизация существующих классификационных подходов: от модели 3Ps (Provision – Participation – Protection) и её модификаций до деления прав на личные неимущественные и имущественные. Особое внимание уделено функциональному назначению прав ребёнка: выделяются и характеризуются защитная, развивающая, социализирующая, гарантирующая, коммуникативная и превентивная функции в их взаимосвязи. Центральным авторским вкладом является обоснование расширенной модели 3P + G, в которой четвёртый компонент – институциональные гарантии (Guarantees) – включает процессуальные механизмы защиты, право ребёнка на независимое представительство и систему постоянного мониторинга условий опеки. Предлагаемая модель обосновывается применительно к ситуациям альтернативной опеки, где повышенная уязвимость ребёнка, лишённого родительского попечения, объективно требует институционального усиления существующих гарантий.

Ключевые слова: права ребёнка, альтернативная опека, Конвенция ООН о правах ребёнка, классификация прав ребёнка, функции прав ребёнка, деинституализация

MUQOBIL VASIYLIK KONTEKSTIDA BOLA HUQUQLARINING MOHIYATI, TASNIFI VA FUNKSIYALARINING NAZARIY-HUQUQIY TAHLILI

Bekbo'tayeva Lobar Shovkat qizi,

Inson huquqlari bo'yicha O'zbekiston Respublikasi Milliy markazi

mustaqil izlanuvchisi,

SOS O'zbekiston Bolalar mahallalari

Advokatsiya bo'yicha dasturlarini rivojlantirish maslahatchisi

Annotatsiya. Maqola xalqaro va milliy huquqning mustaqil tarmoqlararo kategoriyasi sifatida bolalar huquqlarining kompleks nazariy-huquqiy tahliliga bag'ishlangan. Unda bola huquqlari tushunchasi, mohiyati va asosiy xususiyatlari – umumiylik, ajralmaslik, o'ziga xoslik, komplekslik hamda xalqaro huquqiy shartlanganlik kabi jihatlar yoritib berilgan. Ushbu xususiyatlar bolalikni himoya qilishning alohida huquqiy rejimini shakllantirishda ahamiyatga ega. Shuningdek, Birlashgan Millatlar Tashkilotining Bola huquqlari to'g'risidagi konvensiyasi (1989) va O'zbekiston Respublikasi qonunchiligi, xususan, "Bola huquqlarining kafolatlari to'g'risida"gi Qonun hamda Oila kodeksi asosida bolalar huquqlarini tasniflashning 3Ps modeli (Provision – Participation – Protection) va uning turli modifikatsiyalaridan tortib, huquqlarni shaxsiy nomulkiy va mulkiy huquqlarga ajratishgacha bo'lgan mavjud yondashuvlari tizimlashtirilgan. Bola huquqlarining funksional vazifasiga alohida e'tibor qaratilgan: ularning o'zaro bog'liqlikda himoya, rivojlantirish, ijtimoiylashtirish, kafolatlash, kommunikatsiya va oldini olish kabi funksiyalari ajratib ko'rsatilib, tavsiflangan. Muallifning asosiy ilmiy hissasi 3P + G kengaytirilgan modelini asoslashdan iborat. Unda to'rtinchi komponent – institutsional kafolatlar (Guarantees) – protsessual himoya mexanizmlari, bolaning mustaqil vakillik huquqi va vasiylik sharoitlarini doimiy monitoring qilish tizimini o'z ichiga oladi. Taklif etilayotgan model bolani ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan holatlarda, ya'ni muqobil vasiylik sharoitida qo'llash imkoniyatlari bilan asoslangan. Bunday vaziyatlarda bolaning o'ta zaifligi mavjud huquqiy kafolatlarni institutsional jihatdan yanada mustahkamlashni talab etadi.

Kalit so'zlar: bolalar huquqlari, muqobil vasiylik, BMTning Bola huquqlari to'g'risidagi konvensiyasi, bola huquqlarini tasniflash, bola huquqlari funksiyalari, deinstitutionalizatsiya

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ESSENCE, CLASSIFICATION AND FUNCTIONS OF CHILD'S RIGHTS IN THE CONTEXT OF ALTERNATIVE CARE

Bekbutaeva Lobar Shovkat kizi,
Independent Researcher at National Center for
Human Rights of the Republic of Uzbekistan,
Advocacy Program Development Advisor on Advocacy,
SOS Children's Villages Uzbekistan

Abstract. The article is dedicated to a comprehensive theoretical and legal analysis of child rights as an independent intersectoral category of international and national law. The concept, essence, and key characteristics of child rights – universality, inalienability, specificity, comprehensiveness, and international legal conditioning – are revealed, forming a special legal regime for protecting childhood. Based on the 1989 UN Convention on the Rights of the Child and the legislation of the Republic of Uzbekistan, including the Law "On Guarantees of the Rights of the Child" and the Family Code, the existing classification approaches are systematized: from the 3Ps (Provision – Participation – Protection) model and its modifications to the division of rights into personal non-property and property. Particular attention is paid to the functional purpose of child rights: protective, developmental, socializing, guaranteeing, communicative, and preventive functions are identified and characterized in their interconnection. The author's central contribution is the substantiation of the expanded 3P + G model, where the fourth component – institutional guarantees – includes procedural protection mechanisms, the child's right to independent representation, and a system for constant monitoring of guardianship conditions. The proposed model is justified in relation to alternative care situations, where the increased vulnerability of a child deprived of parental care objectively requires institutional strengthening of existing guarantees.

Keywords: child's rights, alternative care, UN Convention on the Rights of the Child, classification of child's rights, functions of child's rights, deinstitutionalization

Введение

Права ребёнка как самостоятельная категория прав человека сформировались сравнительно недавно, однако уже заняли центральное место в системе международных и национальных стандартов защиты детства. Ключевым международно-правовым актом в данной сфере стала Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года, определившая основные принципы и гарантии защиты несовершеннолетних. Присоединение Республики Узбекистан к данной конвенции в 1992 году, с её вступлением в силу для страны в 1994 году, стало важным этапом в развитии национальной системы охраны прав ребёнка. Именно положения конвенции оказали существенное влияние на формирование и совершенствование внутреннего законодательства, включая Конституцию Республики Узбекистан, Семейный кодекс и Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка».

Актуальность темы обусловлена реформами семейного законодательства Республики Узбекистан, которые в последние годы активно развивают институты защиты детей, оставшихся без попечения родителей. Эти изменения включают обновление норм об опеке и попечительстве, усиление государственного контроля за их реализацией, а также поэтапную деинституционализацию.

Цель настоящей статьи – раскрыть понятие, сущность, ключевые характеристики, классификационные подходы и функциональное назначение прав ребёнка в международном и национальном контексте, с акцентом на их значение для определения правосубъектности несовершеннолетних в ситуациях альтернативной опеки.

Для достижения цели решаются следующие *задачи*: определить понятие и основные характеристики прав ребёнка; проанализировать ведущие классифика-

ции (международные и доктринальные); выделить и охарактеризовать основные функции этих прав; показать их взаимосвязь с принципом наилучших интересов ребёнка и механизмами защиты в отсутствие биологической семьи.

Объект исследования – правовой статус ребёнка как субъекта права. *Предмет* – нормы международного права (прежде всего Конвенция ООН о правах ребёнка) и доктринальные подходы к классификации и функциям прав ребёнка.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Сравнительно-правовой метод применялся при анализе различных классификационных моделей прав ребёнка (ЗPs, SDPP, гражданско-правовое деление) и при сопоставлении международных и национальных подходов к их закреплению. Системный метод использовался для рассмотрения функций прав ребёнка в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Формально-юридический метод обеспечил точное толкование норм Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 года, Закона Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка» и иных нормативных источников. Аналитический и синтетический методы применялись при обобщении доктринальных позиций и обосновании авторской модели ЗР + G.

Основная часть

Права ребёнка – это юридически закреплённые права и свободы лиц до 18 лет, за исключением случаев, когда в соответствии с национальным законодательством совершеннолетие наступает ранее. Эти права направлены на защиту, развитие и участие ребёнка в общественной жизни. Их сущность определяется универсальностью, неотчуждаемостью и направленностью на обеспечение физического, психического и социального благо-

получия ребёнка с учётом его возраста и уязвимого положения.

Права ребёнка затрагивают не только различные области права, включая семейное (Schrama et al., 2021), уголовное (Arts & Popovski, 2006) и административное (Veselov, 2020), но также входят в сферу конституционного (O'Mahony, 2019) и международного права (Lux & Kaya, 2023). Как отмечают Zhukovskaya и Kazarova (2024), права ребёнка носят межотраслевой характер, охватывая нормы конституционного, семейного и гражданского права, включая право на жизнь, имя, семейное воспитание и защиту от насилия.

Kurakina (2022) определяет права ребёнка как «возможность, создающую условия для реализации их личностного потенциала, что отличает их от потребностей (выходящих за правовое поле) и правомочий (описывающих лишь субъективные аспекты)». Rutman (2007) подчёркивает, что права ребёнка тесно связаны с его законными интересами, которые существуют объективно, даже если сам ребёнок их не осознаёт, что требует активной роли государства и родителей в их защите. Chernaya (2018) акцентирует социализирующую функцию прав ребёнка, способствующую его интеграции в общество, особенно в отношении уязвимых групп, таких как дети с инвалидностью или дети-беженцы.

Сопоставление приведённых позиций позволяет выявить как их общность, так и принципиальные расхождения. Куракина и Рутман сходятся в признании объективной природы прав ребёнка, независимой от его осознанной воли, однако расставляют акценты по-разному: первая делает упор на личностном потенциале и автономии субъекта, второй – на неразрывной связи прав с законными интересами и позитивных обязательствах государства. Подход Чёрной дополняет эту картину, выдвигая на первый план социализирую-

щее измерение прав, которое у Куракиной и Рутмана остаётся имплицитным. Вместе с тем все три концепции объединяет определённая теоретическая ограниченность: они рассматривают права ребёнка преимущественно в контексте биологической семьи и не в полной мере учитывают ситуации, когда семья отсутствует или неспособна выполнять свои функции. Именно эта лакуна актуализирует необходимость дополнительного институционально-гарантийного измерения, обосновываемого в настоящей статье применительно к условиям альтернативной опеки.

В национальной правовой науке понятие прав ребёнка осмысливается в русле международного права прав человека. Saidov (2002, 2012), разработавший теоретические основы данной отрасли применительно к национальной системе, рассматривает права ребёнка как специальную категорию прав человека, обладающую усиленным режимом защиты в силу возрастной уязвимости субъекта. Гарантийный аспект этого понятия раскрывает Вакаева (2009), исследующая механизмы обеспечения прав ребёнка в Узбекистане и подчёркивающая позитивные обязательства государства по их реализации. Эти позиции согласуются с охарактеризованным выше подходом Рутмана к законным интересам ребёнка и подтверждают, что доктрина различных правовых систем единодушна в признании публично-правовой природы гарантий детства.

Вопрос о правах ребёнка представляет собой теоретически сложную и практически значимую проблему, поскольку подход к правам детей существенно отличается от подхода к правам взрослых. Нарушения, которые в отношении детей вызывают серьёзную обеспокоенность (например, неграмотность или отсутствие свободного времени), не воспринимаются как аналогичные нарушения в отношении

взрослых (Gheaus, 2024). Это различие объясняется не тем, что права человека перестают быть универсальными, а тем, что интересы детей и взрослых различаются, как и способы уважения их морального статуса. Права человека, направленные на защиту интересов, в случае с детьми требуют как включения в сферу общих прав, так и признания специфических детских прав, отсутствующих у взрослых. Данное теоретическое понимание прав ребёнка соотносится с положениями международного права, в частности с Конвенцией ООН о правах ребёнка 1989 года, которая отражает, но не всегда в полной мере охватывает эти особенности.

Важно отметить, что конвенция охватывает широкий спектр прав: гражданские, политические, экономические, социальные и культурные. Внутригосударственное закрепление этих норм осуществляется через Конституцию Республики Узбекистан, Семейный кодекс и Закон «О гарантиях прав ребёнка».

По мнению автора, целесообразно выделить следующие характеристики прав ребёнка:

1) универсальность: применимы ко всем детям без дискриминации;

2) неотчуждаемость: права ребёнка не подлежат ограничению без законных оснований;

3) специфичность: учитывают возрастные особенности и зависимость от взрослых. Rutman (2007) отмечает, что реализация некоторых прав (например, права на алименты) требует юридической связи, такой как установленное отцовство;

4) комплексность: охватывают широкий спектр сфер – от гражданских и политических до социально-экономических и культурных прав;

5) принудительная защищённость: государство несёт позитивные обязательства по обеспечению, защите и восстановлению этих прав;

6) приоритетность: обусловлена признанием интересов ребёнка высшей ценностью, подлежащей первоочередной защите в соответствии с принципом наилучших интересов ребёнка (United Nations General Assembly, 1989);

7) международно-правовая обусловленность: права ребёнка формируются не только на основе национального законодательства, но и под воздействием международных стандартов, прежде всего Конвенции ООН о правах ребёнка. Это придаёт им наднациональный характер и усиливает обязательства государства по приведению внутреннего законодательства в соответствие с международными нормами.

Следует подчеркнуть, что указанные характеристики носят не декларативный, а системный характер, то есть взаимно дополняют друг друга и определяют особый правовой режим защиты детства как самостоятельного объекта государственной политики. В Республике Узбекистан эти характеристики нашли отражение в Законе «О гарантиях прав ребёнка», который закрепляет приоритет интересов ребёнка и позитивные обязательства государства по их защите (Republic of Uzbekistan, 2008).

Комплексность и межотраслевой характер прав ребёнка обуславливают потребность в их упорядочении и типологизации. Классификация прав позволяет не только систематизировать обширный массив норм, но и выявить их функциональную роль в обеспечении физического, психического, нравственного и социального развития ребёнка, а также в определении границ его правосубъектности на разных этапах взросления.

Современная юридическая наука рассматривает детей как самостоятельных субъектов права. Многообразие прав, гарантий и свобод, принадлежащих детям, создаёт основания для их классификации,

что формирует содержание индивидуального, или специального, правового статуса ребёнка. В настоящей работе будут рассмотрены различные основания классификации прав детей (Lavrishcheva, 2019).

Особое внимание в доктрине зарубежных, преимущественно западных, специалистов уделяется классификации прав ребёнка, известной как 3Ps (Provision – Participation – Protection). Данная модель была предложена в 1986 году и окончательно оформлена в работах Т. Хаммарберга применительно к Конвенции ООН о правах ребёнка, после чего получила широкое распространение в международном дискурсе о правах ребёнка, в том числе при интерпретации положений Конвенции 1989 года. Согласно этой модели, права несовершеннолетних подразделяются на три основные группы:

1. Правообеспечение (Provision) – включает субъективные права, направленные на удовлетворение базовых материальных, социальных и культурных потребностей ребёнка и создание условий для его полноценного физического, психического и социального развития. К этой категории относятся, в частности: право на образование, право на отдых и досуг, право на достаточный уровень жизни, право на здравоохранение и доступ к культурным благам.

2. Правоучастие (Participation) – охватывает права, обеспечивающие активное вовлечение ребёнка в процессы, затрагивающие его интересы, а также признание его в качестве самостоятельного субъекта права. Центральное место здесь занимает право свободно выражать своё мнение по всем вопросам, касающимся ребёнка, с учётом его возраста и зрелости, а также право участвовать в принятии решений в семье, школе, обществе и судебных процедурах.

3. Правозащита (Protection) – объединяет нормы, гарантирующие защиту

ребёнка от всевозможных форм эксплуатации, насилия, жестокого обращения и иных вредных воздействий. В эту группу входят права на защиту от физического и психического насилия, сексуальной и экономической эксплуатации, торговли детьми, участия в вооружённых конфликтах и других угроз.

Указанная классификация 3Ps подчёркивает комплексный характер прав ребёнка, при котором обеспечение базовых нужд (Provision), активное участие в жизни общества (Participation) и надёжная защита от угроз (Protection) рассматриваются как взаимосвязанные и равнозначимые элементы. Эта модель оказала существенное влияние на формирование современных подходов к реализации прав ребёнка в международном и национальном праве, включая акцент на балансе между защитой уязвимости ребёнка и признанием его субъектности.

Классификация SDPP представляет собой одну из модификаций модели 3Ps. Согласно данной классификации выделяются четыре группы прав несовершеннолетних: 1) право на участие; 2) право на защиту; 3) право на развитие; 4) право на выживание (Lobanova, 2006).

Традиционная модель 3Ps остаётся одной из наиболее методологически обоснованных и широко используемых рамок анализа прав ребёнка. Она эффективно структурирует основные измерения, предусмотренные Конвенцией ООН о правах ребёнка, и применяется как в теоретических исследованиях, так и в рекомендациях международных органов.

Вместе с тем в контексте альтернативной опеки (опека, попечительство, приёмная семья, патронатное воспитание и иные формы устройства детей, оставшихся без родительского попечения) указанная модель обнаруживает структурное ограничение. Ребёнок в такой ситуации находится в состоянии повышенной уяз-

вимости: отсутствие биологической семьи либо её неспособность выполнять свои функции приводит к тому, что основная ответственность за обеспечение и защиту его прав переходит к государственным институтам и специализированным органам. При этом утрачивается ключевой элемент классической модели – естественный адвокат ребёнка в лице родителей, который в обычных условиях обеспечивает фактическую реализацию прав по всем трём компонентам ЗРс. В условиях альтернативной опеки этот элемент подлжит институциональному замещению, что и составляет существо предлагаемого четвёртого измерения.

В связи с этим предлагается дополнить классическую триаду гарантийно-институциональным компонентом (условное обозначение «G» – Guarantees, институциональные гарантии). Теоретическим основанием для такого дополнения служит принцип эффективности прав: право, лишённое механизма фактической реализации, утрачивает юридическую природу и превращается в декларацию. Применительно к детям, лишённым родительского попечения, этот принцип приобретает особую значимость, поскольку ребёнок в силу возраста и психологической травмы, как правило, не способен самостоятельно инициировать защиту своих прав. Данное положение нашло отражение в Руководящих указаниях ООН по альтернативному уходу за детьми (United Nations General Assembly, 2010), прямо предписывающих государствам создавать независимые механизмы надзора и реагирования применительно ко всем формам альтернативного устройства.

Компонент «G» включает три взаимосвязанных элемента.

1. Процессуальные механизмы защиты – право на справедливую и своевременную процедуру, доступ к независимому судебному и административному разби-

рательству по вопросам, затрагивающим интересы ребёнка (статья 12 Конвенции о правах ребёнка; Общий комментарий Комитета по правам ребёнка № 12, 2009 г.). В национальном праве данный элемент закреплён в Законе «О гарантиях прав ребёнка» (статья 11) и конкретизирован в Законе Республики Узбекистан «О защите детей от всех форм насилия» (Republic of Uzbekistan, 2024), предусматривающем механизм изъятия ребёнка при непосредственной угрозе и его последующего устройства под контроль компетентных органов.

2. Право на независимое представительство – назначение адвоката, социального работника или иного представителя интересов ребёнка, действующего автономно от опекуна и органа опеки, особенно в случаях малолетства, психологической травматизации или конфликта интересов с законным представителем.

3. Система постоянного мониторинга – обязательные периодические проверки условий содержания и воспитания ребёнка, отчётность опекунов, наличие доступных механизмов подачи жалоб и оперативного реагирования.

Таким образом, применительно к альтернативной опеке обоснованно использование расширенной модели ЗР + G, в которой гарантии (Guarantees) выступают не дополнительным, а системообразующим компонентом: без них три предшествующих элемента лишаются механизма фактической реализации и рискуют остаться декларативными. Предложенная модель не пересматривает классическую триаду, а восполняет её институциональное измерение применительно к ситуациям, когда стандартный субъект реализации прав – семья – отсутствует либо замещён государством.

Franklin (1986) в своей работе предлагает классификацию прав ребёнка на две основные группы: 1) моральные и

2) юридические права. Эти категории тесно взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга в теоретическом осмыслении правового статуса ребёнка. Юридические права представляют собой права, прямо закреплённые и гарантированные действующим законодательством государства. Они отражают существующий правовой порядок и включают нормы, подлежащие обязательной защите и реализации посредством правовых механизмов. Моральные права, напротив, не всегда получают прямое закрепление в позитивном праве. Они основаны на этических принципах, моральных нормах и представлениях о справедливости. Так, можно утверждать, что каждый человек, независимо от возраста, обладает моральным правом на участие в выборах, однако подобное требование не обязательно воплощается в законодательстве. Моральные права выражают желаемое, идеальное состояние правового регулирования: хотя индивид или общество могут требовать их признания и обеспечения, государство не обязательно автоматически закрепляет их в праве.

Таким образом, юридические права описывают реально существующие и защищённые законом права ребёнка, тогда как моральные права характеризуют желаемые, этически обоснованные притязания, способные служить ориентиром для совершенствования законодательства.

По нашему мнению, отрицать наличие у ребёнка моральных прав невозможно. По существу, моральные права ребёнка совпадают с его законными интересами и потребностями, требующими особой охраны. Это подтверждается положениями Декларации прав ребёнка (United Nations General Assembly, 1959), в которой подчёркивается необходимость специальной защиты детей и создания благоприятных условий для их всестороннего развития – физического, нравственного, интеллектуального, социального и духовного

– в атмосфере достоинства и свободы. При формировании и применении законодательства следует исходить из принципа наилучшего обеспечения интересов ребёнка, что позволяет трансформировать моральные требования в юридические нормы и механизмы их защиты.

Гражданское и семейное право традиционно подразделяют права детей на две группы: 1) личные неимущественные и 2) имущественные. Такая классификация обусловлена структурой Семейного кодекса Республики Узбекистан, где личные неимущественные права закреплены в главах 11–12, а имущественные права – в главе 13.

Rutman (2007) предлагает более детализированную классификацию личных неимущественных прав ребёнка, выделяя следующие группы:

а) права, индивидуализирующие ребёнка (право на имя, защиту чести и достоинства);

б) права, обеспечивающие благополучное развитие (право на семейное воспитание, образование, охрану здоровья);

в) права, определяющие ребёнка как самостоятельного субъекта права (право выражать своё мнение);

г) права, направленные на обеспечение неприкосновенности личности (право на жизнь, выбор места жительства);

д) права, направленные на защиту и представительство ребёнка.

Предложенная классификация позволяет глубже раскрыть содержание личных неимущественных прав ребёнка, показывая их многоаспектный характер и подчёркивая, что ребёнок выступает не только объектом защиты, но и самостоятельным носителем субъективных прав.

Kogol (2008) подразделяет личные неимущественные права несовершеннолетних на две основные группы: материальные и процессуальные. Такое деление позволяет более чётко раскрыть как

содержание субъективных прав ребёнка, так и механизмы их реализации и защиты. К материальным личным неимущественным правам несовершеннолетних он относит: право жить и воспитываться в семье; право знать своих родителей; право на совместное проживание с ними и получение их заботы; право на воспитание своими родителями; право на общение с отцом, матерью и другими родственниками; право на образование; право на имя; право на обеспечение собственных интересов; право на уважение человеческого достоинства и всестороннее развитие; право на устройство под опеку, попечительство или в приёмную семью; право на совместное проживание и заботу со стороны опекунов, попечителей и приёмных родителей; право на установление материнства и отцовства и др. К процессуальным личным неимущественным правам несовершеннолетнего он относит: право на обращение в суд; право на представительство и защиту; право быть заслушанным в ходе административного или судебного разбирательства.

Эти права имеют особое значение, поскольку обеспечивают ребёнку возможность не только быть носителем прав, но и самостоятельно участвовать в процедурах, связанных с их защитой (Laktyunkina, 2005).

Указанная систематизация получила развитие и в отечественной научно-учебной литературе: в учебнике по семейному праву на рассматривается как концептуальная основа регулирования правового статуса несовершеннолетнего (Okuyulov et al., 2021). Более развёрнутую классификацию прав ребёнка применительно к национальному праву предлагает учебник «Права ребёнка», где комплексно раскрываются понятие, содержание и механизмы реализации прав несовершеннолетних в контексте действующего законодательства Узбекистана (Yuldasheva et al., 2017).

Вместе с тем следует отметить, что теоретическое осмысление классификаций и функций прав ребёнка именно в условиях альтернативной опеки в отечественной доктрине остаётся недостаточно разработанным направлением. Однако именно в этой сфере вопрос систематизации прав приобретает особую значимость, поскольку ребёнок, лишённый родительского попечения, нуждается в усиленных гарантиях реализации как материальных, так и процессуальных прав. Это обстоятельство и обуславливает научную значимость настоящего исследования.

Имущественные права ребёнка составляют неотъемлемую часть его правового статуса как субъекта гражданских правоотношений. Они выражаются в возможности владения, пользования и распоряжения имуществом, а также в получении материального обеспечения в предусмотренных законом формах. Правовая природа имущественных прав ребёнка носит двойственный характер: с одной стороны, они имеют гражданско-правовую природу, связанную с институтами собственности и обязательств, с другой – включают публично-правовой аспект, обусловленный обязанностью государства обеспечивать их охрану и защиту (Ignateva, 2020).

Согласно Конвенции ООН о правах ребёнка (United Nations General Assembly, 1989), каждое государство обязано признавать за ребёнком право на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития. Основная ответственность за обеспечение таких условий возлагается на родителей или иных лиц, осуществляющих уход за ребёнком. Однако в случаях, когда они не способны выполнить эту обязанность, государство обязано принимать необходимые меры поддержки. Как можно видеть, в современной правовой науке существует значительное число классификаций прав

ребёнка, каждая из которых способствует более глубокому пониманию его правового статуса и содержательного наполнения соответствующих правомочий. В международном праве одной из наиболее широко применяемых является классификация, закреплённая в Конвенции ООН о правах ребёнка, согласно которой права ребёнка подразделяются на пять основных групп: 1) культурные, 2) социальные, 3) экономические, 4) политические и 5) личные (гражданские).

Данная универсальная классификация отражает комплексный характер прав ребёнка и подчёркивает, что его правовой статус охватывает не только сферу частных семейных отношений, но и более широкий спектр общественных, политических и культурных связей. Именно такой межотраслевой подход позволяет рассматривать права ребёнка как целостную систему, требующую согласованного международного и национального регулирования.

Прежде чем перейти к анализу функций прав ребёнка, автор считает необходимым отметить, что не все права несовершеннолетних находят прямое законодательное закрепление. Наряду с юридически гарантированными правами существуют и моральные права, которые, хотя не всегда отражены в позитивном праве, обладают значительной этической и социальной ценностью и могут служить ориентиром для дальнейшего развития законодательства. Именно классификация прав детей позволяет охватить всю совокупность прав, составляющих правовой статус ребёнка.

После систематизации прав ребёнка по различным классификациям целесообразно обратиться к их функциональному назначению. Функции прав ребёнка представляют собой основные направления их воздействия на правовые отношения, поведение субъектов и

общественные институты, направленные на реализацию интересов несовершеннолетнего. Как отмечается в доктрине семейного и международного права, эти функции носят многоаспектный характер и приобретают особую значимость в условиях альтернативной опеки, где требуется усиленная защита и дополнительные гарантии.

Анализ научной доктрины, положений Конвенции ООН о правах ребёнка и иных международных источников позволяет выделить следующие основные функции прав ребёнка. Каждая из них отражает конкретное направление воздействия этих прав на правовые отношения, поведение субъектов и общественные институты с учётом особенностей правового статуса несовершеннолетнего.

Защитная функция заключается в создании правовых механизмов, обеспечивающих безопасность ребёнка и охрану от любых форм насилия, эксплуатации, жестокого обращения, дискриминации и иных угроз его физическому, психическому и моральному благополучию. Эта функция находит прямое выражение в статье 19 Конвенции ООН о правах ребёнка (United Nations General Assembly, 1989), обязывающей государства принимать все необходимые меры для защиты ребёнка от всех видов насилия, включая физическое, психическое, сексуальное и экономическое. В национальном праве данная функция усиливается нормами Закона «О гарантиях прав ребёнка» (Republic of Uzbekistan, 2008), возлагающими на органы опеки и попечительства обязанность оперативно реагировать на угрозы правам ребёнка, включая злоупотребления со стороны законных представителей. Существенное развитие она получила в Законе Республики Узбекистан «О защите детей от всех форм насилия» (Republic of Uzbekistan, 2024), закрепившем механизмы принудительного изъятия ребёнка

при непосредственной угрозе его жизни или здоровью с возможным последующим размещением в альтернативные формы ухода. Эти положения дополнительно конкретизированы в Стратегии защиты детей от всех форм насилия на 2026–2030 годы (President of the Republic of Uzbekistan, 2025), где альтернативная опека признана приоритетной мерой защиты ребёнка от институционализации и повторного насилия.

Развивающая функция направлена на создание условий для всестороннего развития ребёнка – физического, интеллектуального, эмоционального, социального и духовного. Она охватывает право на образование, охрану здоровья, отдых и досуг, доступ к культурным благам и иным ресурсам, необходимым для реализации личностного потенциала. Данная функция подчёркивает позитивные обязательства государства и семьи по обеспечению ребёнка возможностей для полноценного роста.

Социализирующая функция способствует постепенной интеграции ребёнка в общество, формированию его социальной идентичности, навыков взаимодействия с окружающими и осознанию собственной роли в обществе. Она реализуется через право на участие в культурной и общественной жизни, общение со сверстниками и взрослыми, а также через механизмы, позволяющие ребёнку приобретать опыт самостоятельности и ответственности в безопасной среде.

Гарантирующая функция выражается в том, что права ребёнка выступают юридическим инструментом, обеспечивающим защиту и реализацию его законных интересов даже в ситуациях, когда сам ребёнок не способен их самостоятельно отстаивать в силу возраста или иных обстоятельств. Через субъективные права – на воспитание в семье, алименты, защиту от злоупотреблений и другие – создаются

гарантии учёта и охраны интересов ребёнка со стороны государства, родителей или иных законных представителей.

Коммуникативная функция заключается в признании ребёнка самостоятельным субъектом права, способным вступать в диалог с семьёй, образовательными учреждениями, органами власти и другими институтами. Особенно ярко эта функция проявляется в реализации права ребёнка свободно выражать своё мнение по всем вопросам, затрагивающим его интересы, что способствует формированию правосознания, навыков аргументации и уважения к мнению других.

Превентивная функция ориентирована на предупреждение нарушений прав ребёнка посредством создания систематических механизмов мониторинга, отчётности, профилактики рисков и вовлечения гражданского общества. Она включает регулярные проверки условий жизни и воспитания ребёнка, обязательную регистрацию случаев насилия, образовательные программы для родителей и специалистов, а также международный контроль за выполнением государствами обязательств по конвенции.

Перечисленные функции не существуют изолированно: они взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга, образуя целостную систему обеспечения правового статуса ребёнка. В Республике Узбекистан реализация этих функций особенно значима в контексте альтернативных форм устройства детей (опека, попечительство, приёмная семья), регулируемых Семейным кодексом (Republic of Uzbekistan, 1998) и Законом «Об опеке и попечительстве» (Republic of Uzbekistan, 2014), где государство берёт на себя усиленные обязательства по контролю и защите прав ребёнка в отсутствие биологических родителей.

Эти функции отражают многоаспектную социально-правовую природу прав

ребёнка, особенно в условиях альтернативной опеки, где особое значение приобретают защитные и гарантирующие механизмы. Государство обязано обеспечивать реализацию данных прав как через семью, так и при её отсутствии – посредством эффективных форм альтернативного устройства.

Таким образом, понимание прав ребёнка как межотраслевой и многофункциональной категории права, подкреплённое международными стандартами и национальными механизмами, является необходимым условием эффективной защиты интересов несовершеннолетних в условиях альтернативной опеки.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что права ребёнка представляют собой комплексный межотраслевой институт, сочетающий универсальный характер прав человека с особым усиленным режимом гарантий, обусловленным возрастной уязвимостью субъекта. Сущность этих прав определяется их направленностью на обеспечение физического, психического, нравственного и социального благополучия ребёнка, а их характеристики формируют системный правовой режим защиты детей.

Классификационные подходы – от модели ЗР и её модификаций до деления на личные неимущественные и имущественные права по Семейному кодексу Республики Узбекистан – демонстрируют многоаспектность правового статуса ребёнка. В условиях альтернативной опеки традиционная классификация ЗР требует

дополнения гарантично-институциональным измерением («G» – institutional guarantees), включающим процессуальные механизмы защиты, право на представительство, независимый контроль и систему мониторинга. Расширенная модель ЗР + G позволяет более полно учитывать повышенную уязвимость ребёнка, лишённого родительской опеки, и предотвращать декларативный характер правовых норм.

Функции прав ребёнка проявляются в тесной взаимосвязи: только их равнозначный учёт обеспечивает баланс между усиленной защитой и признанием растущей субъектности ребёнка. В национальном праве эти функции получают дополнительное подкрепление через нормы Закона «О гарантиях прав ребёнка» и Семейного кодекса, обязывающие государство к активному контролю и поддержке альтернативных форм устройства.

Таким образом, теоретическое осмысление сущности, классификации и функций прав ребёнка закладывает прочную основу для их практического применения в процессе модернизации законодательства в сфере семьи и социальной защиты Республики Узбекистан, включая деинституционализацию и приоритет семейных форм воспитания. Комплексный подход к данным категориям позволяет не только обеспечивать безопасность ребёнка, но и создавать условия для его реального участия в общественной жизни, полноценного развития и социальной интеграции в семейной среде, что является ключевым условием реализации принципа наилучших интересов ребёнка.

REFERENCES

1. Abdullayeva, M. (2019). *Pravovye osnovy zashchity prav rebenka [Legal foundations for the protection of the rights of the child]*. TSUL Publ.
2. Arts, K., & Popovski, V. (Eds.). (2006). *International criminal accountability and the rights of children*. Springer.

3. Bakayeva, F. Kh. (2009). *Garantii prav rebenka v Uzbekistane [Guarantees of children's rights in Uzbekistan]*. TSIL Publ.
4. Chernaya, A. V. (2018). Children's rights concept in modern social and humanitarian discourse. *Journal of Social Studies Education Research*, 9(4), 140–167.
5. Franklin, B. (1986). *The rights of children*. B. Blackwell.
6. Gheaus, A. (2024). *Children's human rights*. In *Routledge handbook of philosophy of human rights*. Routledge.
7. Ignateva, S. V. (2020). K voprosu o zashchite imushchestvennykh prav nesovershennoletnikh [On the issue of protecting the property rights of minors]. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(85), 76–80. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-1-76-80>
8. Korol, I. G. (2008). *Lichnye neimushchestvennye prava rebenka [Personal non-property rights of the child]* (Doctoral dissertation). Russian Academy of Justice.
9. Kurakina, Yu. V. (2022). Prava rebenka: k voprosu ob opredelenii ponyatiya [Rights of the child: On the issue of defining the concept]. *The Academic Journal of Moscow City University*, 1(45). <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.45.1.03>
10. Laktyunkina, E. A. (2005). *Prava rebenka v kontekste kontseptsii ustoychivogo razvitiya [Rights of the child in the context of the concept of sustainable development]* (Doctoral dissertation). Bashkir State University.
11. Lavrishcheva, O. A. (2019). Klassifikatsiya prav rebenka: teoretiko-pravovoy aspekt [Classification of children's rights: Theoretical and legal aspect]. *Agrarian and Land Law*, 11(179). <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prav-rebenka-teoretiko-pravovoy-aspekt>
12. Lobanova, T. V. (2006). *Pravovoe polozhenie rebenka v Rossii i Velikobritanii (Anglii): Teoretiko-pravovoy analiz [Legal status of the child in Russia and Great Britain (England): Theoretical and legal analysis]* (Doctoral dissertation). Bashkir State University.
13. Lux, A., & Kaya, R. (2023). Editorial: Challenges of children's rights. *Hungarian Journal of Legal Studies*, 64(1), 1–3. <https://doi.org/10.1556/2052.2023.00002>
14. O'Mahony, C. (2019). Constitutional protection of children's rights: Visibility, agency and enforceability. *Human Rights Law Review*, 19(3), 401–434. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngz017>
15. Okyulov, O., Imomov, N. F., & Burkhanova, L. M. (Eds.). (2021). *Semeynoe pravo [Family law]*. TSUL Publ.
16. President of the Republic of Uzbekistan. (2025, December 24). *Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-256 On approval of the Strategy for the protection of children from all forms of violence for 2026–2030*. <https://president.uz/ru/lists/view/8831>
17. Republic of Uzbekistan. (1998, April 30). *Family Code of the Republic of Uzbekistan*. Lex.uz. <https://lex.uz/ru/docs/104723>
18. Republic of Uzbekistan. (2008, January 7). *Law of the Republic of Uzbekistan On guarantees of children's rights*. Lex.uz. <https://lex.uz/docs/1297318>
19. Republic of Uzbekistan. (2014, January 2). *Law of the Republic of Uzbekistan On guardianship and trusteeship*. Lex.uz. <https://lex.uz/uz/docs/2307828>
20. Republic of Uzbekistan. (2024, November 14). *Law of the Republic of Uzbekistan No. LRU-1004 On the Protection of Children from All Forms of Violence*. Lex.uz. <https://lex.uz/uz/docs/7219505>
21. Rutman, E. L. (2007). Prava i interesy rebenka v grazhdanskom i semeynom zakonodatelstve: pravovaya sushchnost i sootnoshenie [Rights and interests of the child in civil and family legislation: Legal essence and correlation]. *Legal Issues*, 4(25), 185–189.
22. Saidov, A. Kh. (2002). *Mezhdunarodnoe pravo prav cheloveka [International human rights law]*. Academic Law University of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
23. Saidov, A. Kh. (Ed.). (2012). *Obshchaya teoriya prav cheloveka [General theory of human rights]*. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.
24. Schrama, W., Freeman, M., Taylor, N., & Bruning, M. (Eds.). (2021). *International handbook on child participation in family law*. Intersentia.

25. United Nations General Assembly. (1959, November 20). *Declaration of the rights of the child (Resolution 1386 [XIV])*. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
26. United Nations General Assembly. (1989, November 20). *Convention on the rights of the child (Resolution 44/25)*. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child>
27. United Nations General Assembly. (2010). *Guidelines for the Alternative Care of Children (A/RES/64/142)*. United Nations.
28. Veselov, M. (2020). Administrative and legal ensure of “the best interests of the child” in the field of junior justice. *Public Administration and Law Review*, 3, 49–56. <https://doi.org/10.36690/2674-5216-2020-3-49>
29. Yuldasheva, G., Esanova, Z. N., Egamberdiev, A. U., & Tukhtasheva, U. A. (2017). *Prava rebenka [Rights of the child]*. Baktaria Press.
30. Zhukovskaya, N. Yu., & Kazarova, D. S. (2024). The personal rights of the child: The essence and summands of the concept. *Russian Law: Education, Practice, Science*, 140(2), 13–24. <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24>

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2026-YIL 2-SON

VOLUME 6 / ISSUE 2 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.2.